

Власов В. Ф.

Учитель Краб

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов

Учитель Краб

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Учитель Краб / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Учитель Краб, погрузившийся с головой в литературу и философию, перестаёт интересоваться жизнью и попадает в иллюзорный мир, где обитают бессмертные. Даже любовь не возвращает его на землю. Искажённое восприятие действительности через череду заблуждений приводит философа к распаду личности, в результате чего, его жизнь заканчивается полным крахом. Его ученик, продолжая его уважать, пытается исправить его ошибки, идя по своему пути к Истине.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
Часть вторая	23
Глава I	24
Глава II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

«Устрица во время полнолуния раскрывается, и если краб видит ее, то бросает ей внутрь какой-нибудь камешек или стебель, и она уже не может закрыться, отчего и становится пищей того краба. Так бывает с тем, кто открывает рот, чтобы высказать свою тайну, которая становится добычей подслушивателей».

Леонардо да Винчи

Часть первая

Рассказ ученика

1

«Дорогой мой ученик!

Посылаю тебе эту рукопись с Вокзала Бессмертия. Вверяю ее в твои руки как свою душу. Через несколько минут я совершу прыжок в область четвертого измерения, где мне уже ничего не понадобится. Это будет последней моей исследовательской работой. В этом мире я оставляю тебе все мои сомнения и колебания.

Я допускаю, что шел неправильным путем в постижении Вечных Тайн, но я оставляю тебе возможность исправить меня своими жизненными деяниями и избежать моих ошибок. Вместо напутствий и советов я хочу пожелать тебе, не останавливаясь, двигаться к своей заветной и таинственной звезде прямым ходом, если даже все будут считать его ошибочным. Ибо работающий над разгадкой Тайны человек уже делает свою жизнь духовно выше и благороднее, чем тот, кто пытается только критиковать, сбивая других с пути Истины. Любой неустанный поиск приближает человека к бессмертию и величию.

И еще мой совет, небольшая истина, которую я вывел из горького опыта: Великие Тайны открываются только через Великий Порядок. Если ты не достигнешь в себе духовной и моральной чистоты, ты не сможешь оторвать себя от земной придавленности и улететь в возвышенные пространства мироздания.

Не сердись на меня за те муки и несчастья, в которые я вверг тебя по своей человеческой слабости и малодушию. Постарайся меня простить, иначе мне будет трудно постичь те трансцендентные Вечные Тайные Истины, ради которых я жертвую своим тленным существованием.

Твой учитель Краб, которого так странно окрестили».

Когда я получил бандероль с его рукописью и этой запиской, я еще весь горел огнем обиды и ненависти к нему. А совсем недавно он был моим кумиром и самым близким другом в университете. Случается и такая любовь, переходящая в ненависть. Впрочем, особой ненависти я к нему не испытывал. Так только, от обиды, твердил: «Ненавижу, ненавижу...», – а в глубине души, возможно, любил его по-прежнему.

Когда я прочитал эту записку, то обида и ненависть мгновенно улетучились. Я испытывал страх за его жизнь, боль потери и пустоту... Такая резкая перемена может произойти только при великой симпатии к человеку.

Несколько дней я не ходил в университет. Читая рукопись, я думал о его жизни. Это побудило меня записать воспоминания, связанные с ним.

Он читал нам лекции по истории философии и вел семинары по иностранной литературе. Довольно высокий и худощавый, он имел большую залысину, но лысина только подчеркивала его недюжинный ум. Во всей его манере движения скрывалась какая-то настороженность, граничащая с застенчивостью, как будто он был готов к внезапному проявлению чего-то неожиданного и непостижимого. Почему я так думаю? Во-первых, он совсем не был застенчивым человеком. Наоборот, стоило кому-либо из студентов заговорить с ним о философии или, не дай Бог, заспорить, он тут же двумя-тремя доводами, словно щелчками, расправлялся с их надуманными философемами. Во-вторых, он обладал железной логикой, потому-то его

ничем невозможно было сбить с толку. Только после прочтения его рукописи я понял, как он сомневался в себе и во всем, что его окружало.

Мы знали, что Краб был направлен в университет из Москвы. До этого он учился в аспирантуре, писал диссертацию по истории литературы Италии, в течение года стажировался в Риме, знал хорошо латынь, итальянский, эсперанто.

С двумя чемоданами книг он появился у нас в общежитии, где ему выделили комнату, но через две недели уже съехал на квартиру, снятую им не без моей помощи. Студенты прозвали его Крабом. Впрочем, я не знаю, какая существует разница между крабом и раком, но он был настоящим раком-отшельником. Он избегал всякого общения с нами, студентами, вне университета, потому и переехал из общежития. Я всегда размышлял над тем, как так случилось, что он, живя в нашем обществе, как бы выпал из его жизни. Его одиночество было не простым затворничеством, а какой-то необыкновенной отчужденностью от мира.

Отгородившись от всех наших радостей и печалей, Краб поместил себя в своеобразный вакуум, куда, при всем желании, никто не смог бы проникнуть. Его болезненное воображение попало в мир, который никак не соприкасался с действительностью. Вероятно, это было его психическое расстройство, и он, как и все больные, нуждался в помощи и чутком отношении к себе. Но вместо этого он натолкнулся на стену непонимания и отчуждения. По правде сказать, причины для этого были. Я сам возненавидел его перед тем, как навсегда с ним расстался.

Читая его записи и вспоминая наши короткие встречи и разговоры, я начинаю понимать его большую мятущуюся душу. И если что-то мне в нем не нравилось, и я воспринимал враждебно кое-какие действия, касающиеся меня лично, то сейчас я понял причины этих поступков. А раз понял, значит, простил. Установившийся между нами вечный мир – это не необходимость примирения с ушедшим из этого мира человеком, а любовь, простая человеческая любовь, и еще немного жалости, которая примешивается к любви, когда имеешь дело с таким человеком, и досада на себя, что ты поступил не так, как нужно было, чтобы удержать его от последнего безумства.

2

Я присутствовал на первой его лекции, когда Краб впервые переступил порог нашей аудитории. Он вошел в зал какой-то нетвердой походкой. Подойдя к кафедре, он долгим взглядом рассматривал нас, каждого по отдельности. Мне казалось, что он пытается запомнить наши лица. Нас же в аудитории более сорока человек. Пауза затягивалась, а он не произносил ни слова. Это походило на ситуацию с актером, забывшим роль. Мы, загипнотизированные, притихли, боясь пошевелиться, и смотрели на него, как кролики на удава. Но глаза у него были добрыми. Он, казалось, гладил взглядом каждого из нас.

Обычно на лекции я садился вместе с Олей в последнем ряду. Если лекция была интересной, то мы слушали и конспектировали ее в тетрадях. А если же она нам не нравилась, то мы читали книги или шепотом болтали. На заднем ряду есть одно преимущество: там всегда остаешься незамеченным. При желании можно даже вздремнуть.

Оля, увидев Краба, шепнула мне:

– Какой странный у нас преподаватель.

– Почему?

Правда, и мне он показался странным в те минуты, но чем, я еще не мог понять.

– Он какой-то погруженный в себя. Видишь, он смотрит на нас и, мне кажется, нас не видит, думает о чем-то своем.

Я согласился с ней, хотя мне казалось, что у него был пристальный взгляд и совсем не самоуглубленный. Впрочем, с Олей я никогда не спорил. Чтобы ей угодить, я даже сказал:

– Надо бы вывести его из этого состояния.

– Хочешь, я это сделаю? – спросила Оля.

– Как? – удивился я.

– А вот так, – Оля улыбнулась и прищурила глаза.

В следующее мгновение она уже встала и обратилась к Крабу:

– Скажите, пожалуйста, у нас будет сегодня лекция?

Студенты засмеялись. А Краб извинился и начал читать лекцию.

Голос у него был какой-то особенный, в его тембре звучали звонкие и певучие нотки. Этот голос лился, как музыка, если можно сделать такое сравнение по отношению к мужскому голосу. С первой же минуты он захватил наше внимание. Все слушали его, казалось мне, разинув рты. Помню, в эту лекцию ни я, ни Оля ни разу не обмолвились словом, так мы впервые попали под его влияние. Мы даже забыли законспектировать эту лекцию.

У него была довольно странная манера ходить по аудитории во время своего выступления и держать руки в карманах брюк. Он как бы гулял по саду, бросая праздный взгляд на разные диковинные плоды. Но к этому мы быстро привыкли.

Вначале он прогуливался перед кафедрой, а потом стал ходить по проходам. Его изложение казалось нам простым и понятным. Он обладал особым искусством захватывать слушателей целиком и владеть их вниманием безраздельно.

Когда он остановился возле Оли и посмотрел на нее, она покраснела. Я не видел ее глаз, но мне показалось, что она как будто напряглась и отдалилась от меня.

Я перевел взгляд на Краба и заметил, что он смутился. Вернувшись к кафедре, он уже больше не подходил к нашему месту. Более того, я почувствовал, что его походка изменилась. В ней появилась напряженность. Это не совсем соответствовало темпераменту его речи и той свободе изложения мыслей, которые струились из его необыкновенного ума. Я употребил слово «струились», потому что оно, как никакое другое, подходило к предельной ясности и непринужденности его мышления, похожего на струение света.

Лицо Краба с самого первого раза поразило меня. Оно, казалось мне, помимо одухотворенности, было отмечено той благородной особенностью ума, которая никогда не переходит в высокомерие. Я бы не сказал, что его лицо отличалось особой приветливостью. Было сразу видно, что он человек замкнутый, живущий своим внутренним миром. И это само погружение в свои тайные мысли являлось, скорее, пороком, препятствием в общении с ним. Даже когда он разговаривал, было видно, что он обращен к каким-то своим недоступным сферам сознания.

Иногда его глаза озарялись. Это походило на появление солнца из-за тучи. Как будто его внутренний мир взрывался тысячами ослепительных искр и, не находя себе простора внутри, прорывался во внешние сферы его бытия. Это сопровождалось такой игрой ума и высокой степени увлеченностью, что человек, разговаривающий с ним, терял способность осмысленно оценивать то, что обрушилось на него, отдаваясь полностью его обаянию. Ум того человека как бы парализовывался под действием льющегося на него лавиной света. Я сам часто купался в струе этого дивного ума, и мне было порой трудно возвращаться к той действительности, которая бледнела в сравнении с его высокой фантазией. В такие минуты его красноречие могло зажечь целую толпу, превратить в безумца любого здравомыслящего скептика. Он смеялся с какой-то особенной, радостной непосредственностью. Но когда возбуждение спадало, и волнение души успокаивалось, его улыбка становилась странно печальной и по-детски доброй.

Неудивительно, что Оля влюбилась в учителя. Он и меня сразу же расположил к себе. Отчуждение Оли я почувствовал с той первой лекции, с того самого первого взгляда, которым они обменялись.

Лекция Краба произвела на всех студентов глубокое впечатление. Я сам, находясь еще под ее влиянием, хотел поделиться с Олей своими мыслями о Крабе. Но она отвечала мне односложно, казалась рассеянной. Когда я предложил проводить ее домой после занятий, Оля отказалась, сославшись на то, что ей необходимо поработать в библиотеке. Когда я попробовал за ней увязаться, она просто прогнала меня, сказав, что желает побыть одна. Мне ничего не оставалось, как всем своим видом показать, что ее поведение меня обидело. Однако ее это мало тронуло.

3

На следующий день меня еще больше озадачила ее перемена ко мне. На мои шутки она отвечала сухо, и во всем ее облике сквозило желание быстрее отделаться от меня. И это после целого года нашей нежной дружбы, моего ухаживания, тайных надежд.

Хорошо помню, как меня огорчила первая встреча Оли с Крабом. Это произошло на третий день после его первой лекции. До этого в моем сердце гнездились только предположения об истинных причинах перемены Оли в отношении ко мне, но не было уверенности. Я еще надеялся, что ее раздражительность вызвана усталостью, в последнее время она много занималась, и ее плохим настроением, иногда и это с ней случалось.

Я увидел их в коридоре, увлеченно беседующих о чем-то. Возможно, в этот момент в моей душе шевельнулась ревность, подозрение и еще Бог знает, что, словом, вся сложная гамма чувств, труднообъяснимая мне самому, о существовании которой я и не подозревал. И я убежал, чтобы предаться отчаянию. Однако, принимая во внимание исключительную импульсивность характера Оли, способную толкнуть ее к безрассудному поступку, я также учитывал предположительную добропорядочность Краба и его явное желание избежать неприятностей от связей преподавателя со студенткой. В этом отношении Краб был моим союзником. Я страстно желал, чтобы мои опасения оказались напрасными. Но порой мне казалось, что между Олей и Крабом возникают взаимные симпатии, и мысль об этом мучила меня, возвращаясь каждый раз, как бумеранг, усиливала мои сомнения и мешала сосредоточиться на каком-либо деле.

Через два дня я узнал, что Краб поселился в нашем общежитии. Будучи заинтересованным лицом, я стал шпионить за ним не только из-за простого любопытства.

Ректорат выделил ему отдельную комнату в самом конце коридора, и она с первого же дня стала объектом моего внимания. После занятий Краб возвращался в свое общежитие и уже никуда не выбирался. Что там делал этот отшельник, никому не было известно. Однажды студенты пригласили его на чей-то день рождения, он отказался.

Как-то раз я случайно увидел Краба в городе. Не скрою, мне было интересно наблюдать за ним. Долгое время я шел в некотором отдалении следом, стараясь не попадаться ему на глаза. Меня занимало, как он, словно помешанный, бродил по узким улочкам города, останавливался возле деревянных домиков и подолгу рассматривал их, как невиданные диковинки. При этом так увлекался, что забывал обо всем на свете и своим довольно комичным видом обращал на себя внимание прохожих. Я терялся в догадках, что он мог думать, глядя на эти вросшие в землю по самые наличники домики, какая тайная работа мысли занимала его настолько, что он застывал, как вкопанный столб, посреди улицы.

Я уже не опасался, что он увидит меня, потому что в это время вряд ли кто-либо из прохожих мог привлечь его внимание. Его лицо отражало тонкую работу духа. Он походил на поэта, подбирающего редкую рифму, или на художника, стремящегося поймать неуловимое очарование древней эпохи. В этот момент он как бы поднимался над своей отчужденностью и духовно сливался с объектом своего созерцания. В ту минуту мне казалось, что у него в душе открывалась еще одна потайная дверь за завалами сухой эрудированности. И за этой дверью, вероятно, таилось его настоящее духовное начало, открывающее вход в его поэтический мир.

Он мне казался совсем беззащитным. Почему-то в тот момент я устыдился моего тайного наблюдения за ним, как будто совершил святотатство, и поспешил уйти.

Мне вспоминается, как однажды студенты решили организовать философский клуб и делегировали меня к Крабу с предложением возглавить его. Идея мне показалась чрезвычайно оригинальной. С появлением Краба в университете у студентов повысился интерес к филосо-

фии. Практически я сам вызвался выполнить это поручение. Я и еще один сокурсник отправились с этой миссией к Крабу.

Это знаменательное событие начала моих отношений с Крабом сохранилось в моей памяти благодаря особому яркому впечатлению, произведенному на меня простотой и отменным порядком комнаты Краба. В ней не было ничего лишнего: голые стены, застеленная солдатски кровать, стол, два стула и аккуратно сложенные у стены высокой стопкой книги. На столе лежала открытая толстая тетрадь. Вероятно, когда мы постучали в дверь, Краб писал.

Он пригласил нас в комнату и предложил сесть на стулья, а сам сел на кровать. Когда мы изложили свою просьбу, он стал всячески отнекиваться. Нам так и не удалось уговорить его стать президентом философского клуба. Однако он согласился сделать на ближайшем заседании клуба доклад.

Мы были несколько обескуражены и не скрывали своего разочарования. Мы ожидали увидеть нашего кумира, идущим к нам навстречу с распростертыми объятиями, всей своей душой готовым оказать помощь в любом нашем начинании, но вместо этого он просто дал нам понять, что вся эта «суетная затея» не стоит ломаного гроша. Видя разочарование, так явственно написанное на наших лицах, он улыбнулся, всем своим кротким видом, пронизанным мягкой иронией, извиняясь за свой отказ.

Затем печально, но с той же иронией сказал:

– Я не смогу повести за собой современную молодежь, потому что не способен дать вам глубоких знаний.

После такого заявления мы рты открыли от удивления. Краб продолжал:

– Я очень сомневаюсь в пользе философии и считаю ее даже вредной для ваших молодых умов. Думаю, что ее общие положения вполне достаточны для вас, чтобы иметь поверхностную духовность. Чем дальше вы будете проникать в ее дебри, тем глубже вы будете погружаться в море сомнений. В этой стихии нет границ. Вы будете счастливы, если ваш взгляд охватит только настоящее время, но если он проникнет дальше, и перед вами откроются все изъязвы нашего времени, то вы, не дай Бог, еще развяжете революцию, которая вас уничтожит. Но хуже будет, если вы засомневаетесь в разумности существования всего человечества. От этого ваши сердца наполнятся душевной болью, которая сделает вас несчастными, потому что подобные сомнения порождают неуверенность в смысле и разумности человеческой жизни вообще.

Я смотрел на этого диковинного мудреца и не мог понять: то ли он все это говорит всерьез, то ли шутит. После нашего ухода я не раз возвращался к этим высказываниям Краба. Мне казалось, что его неуверенность в себе исходила из неспособности вовремя поставить точку, остановиться и оглянуться на пройденный путь своей жизненной философии, почувствовать себя в гармонии с миром и ощутить свою значимость и завершенность, что дает чувство полноты. Он весь как бы истощался в своем движении вперед. Его несчастьем было стремление пробежать в очень короткое время непосильное для него расстояние. Убегая вперед, он отрывался от действительности, как бы растворяясь в собственной философии. Страдая от невозможности достичь внутренней гармонии, Краб испытывал бессилие, несмотря на свое духовное богатство и таланты, проникнуть в видимые только им запредельные сферы, постигнуть какую-то придуманную им самим Совершенную Истину.

В то время я так и не смог понять до конца причин его пессимизма.

4

В другой раз мне повезло больше. Меня послали к Крабу из университета сообщить, что поменялось расписание лекций. Эту вторую миссию к нему я выполнил с большим рвением. Я застал Краба в той же обстановке. Мне казалось, что в его атмосфере никогда ничего не меняется, все всегда остается по-прежнему, просто и скромно до аскетизма, ни одна вещь не привлекает внимания. Я подумал, что, может быть, именно такая среда создает условия для постоянной работы мысли.

Странно, но с Крабом я не чувствовал никакой подавленности его превосходством. Более того, он всем своим видом поощрял меня к проявлению моей духовной деятельности. Его благожелательный, умный и испытывающий взгляд всегда служил некой стартовой пружинкой, приводящей в движение мою мысль, таким гаечным ключом, укрепляющим внутреннюю дисциплину и уверенность в своих силах.

Он имел на меня влияние катализатора, ускоряющего раскрытие душевных внутренних сил и проявление моей личности. Я несколько не боялся высказывать ему свои суждения. Напротив, делая это, я удивлялся появляющейся вдруг оригинальности моего мышления, что стимулировало меня говорить о том, о чем раньше не думал.

Мы говорили с Крабом об университете, студентах, занятиях, о свободном времяпрепровождении.

В это время у Краба не было с Олей никаких отношений. Оля продолжала дуться на меня, но, по-видимому, она также сердилась и на Краба. Вероятно, где-то он дал ей понять о своем желании сохранять с ней дистанцию. Оля на лекциях по-прежнему сидела рядом со мной, но избегала каких-либо разговоров о Крабе. Меня эта перемена радовала, и мои надежды оживали. Поэтому во время второго визита к Крабу я явился, преисполненный чувства благодарности. От возникшей в первые дни неприязни не осталось и следа. Мне было легко и приятно разговаривать с Крабом, и, когда он обратился ко мне с просьбой, я радостно пообещал исполнить ее.

Однако его просьба показалась мне странной. Он меня спросил:

– Можно ли в вашем городе снять комнату в деревянном домике?

Я всем своим видом выразил недоумение, чем ему здесь не нравится.

– Общежитие хорошее, но очень шумное, – ответил он.

Я удивился: обычно наше общежитие отличалось особым спокойствием и тишиной. Студенты редко устраивали шумные вечеринки.

– Видите ли, – сказал Краб, – мне бы подошел деревянный дом где-нибудь на глухой улочке, но не очень далеко от университета. Я бы очень хотел, чтобы в этом доме моя комната была полностью изолирована, чтобы в доме не было ни радио, ни телевизора. Меня раздражают шумы. У себя дома я останавливал даже часы, их тиканье действовало мне на нервы.

Я впервые видел человека с такой легко возбудимой психикой. К тому же выяснилось, что Краб совсем не переносит табачного дыма. Он как бы стремился надеть на себя непроницаемый колпак, изолировать себя от мира, от пространства и, как я позже узнал, от времени тоже. Он почти не читал газет и не слушал радио, был совсем не в курсе событий, происходящих в мире.

Мне было непонятно его желание замкнуться в своей скорлупе, но тогда я видел объяснение всему этому в других причинах. Мне казалось, что Краб отбегает от себя все преходящее и сиюминутное ради постижения чего-то вечного и неизменного. Чего? Я тогда не мог понять, как смотрящий вдаль не может разглядеть парусник за горизонтом. Этим я и объяснил его ограничения по отношению к себе самому.

Одним словом, я согласился посодействовать ему в поисках комнаты. Это явилось предложением поближе познакомиться и почаще бывать у него. Почти каждый день я приходил к нему в комнату и докладывал о результатах своих поисков. Внимательно выслушав меня, он задавал вопросы и, как только находил первое, что ему не нравилось, тут же отказывался от моего предложения. Затем мы говорили о философии и литературе, и это было как бы своеобразной платой за те труды и заботы, которые я проявлял по отношению к Крабу. Мне нравились вечера, проводимые с учителем. Каждый раз я познавал что-то новое, мой мозг привыкал работать неординарно. Учитель давал мне первые уроки своих Великих Сомнений.

Иногда из моего описания Крабу казалось, что комната отвечает его требованиям, и мы вместе после занятий шли ее осматривать. Но Краб постоянно находил какой-либо недостаток, его всегда что-нибудь не устраивало. Если бы не ежедневное духовное общение с Крабом, я бы давно оставил эту затею вместе с его капризами.

Но меня даже забавляла эта игра. Мне доставляло некоторое удовольствие заранее угадывать, по какой причине Краб отклонит следующую предложенную мной комнату. Так за довольно короткий срок я изучил его вкус и, наконец, нашел нужную ему комнату.

Она находилась на втором этаже небольшого двухэтажного домика. Это был даже не второй этаж, а мансарда. Хозяйка, опрятная старушка, жила одна в большом доме. Узнав меня, она приветливо улыбнулась и вопросительно посмотрела на Краба.

– Это и есть я, – сказал он. – Я пришел по поводу комнаты, которую вы сдаете.

Мы втроем поднялись по лестнице в мансарду. Краб осмотрел с довольной улыбкой небольшую, но уютную комнатку, где ему предстояло жить, старомодную кровать, мебель из орехового дерева, оставшуюся со старых времен. Все это ему очень понравилось, но главное – в этом доме не пахло затхлостью, все кругом блестело чистотой и дышало опрятностью.

Он внимательно выслушал условия хозяйки и тут же согласился с ними. Плата за жилье оказалась совсем небольшой, и, если бы хозяйка запросила втрое больше, мне кажется, Краб не изменил бы своего решения переехать к ней. Он тут же договорился с ней, что поселится на следующий день, и попросил ее ничего не менять в обстановке комнаты.

Уходя, мы осмотрели апартаменты самой старушки. Я заметил, что в углу ее комнаты висели иконы, телевизора не было. От всего дома и от хозяйки веяло далекой стариной, это то, к чему так стремился Краб. Она предложила нам остаться попить чаю, но мы, сославшись на занятость, отказались.

Когда мы вышли на тихую улочку, Краб заметил:

– Ты не представляешь, как я мечтал пожить в таком доме.

В это время мы уже перешли с ним на «ты».

– Мне кажется, что я когда-то жил здесь, но, разумеется, и дом, и хозяйку я увидел сегодня впервые.

– Так бывает, – ответил я, – иногда новое кажется давно забытым старым.

Вдруг он меня спросил:

– Ты обратил внимание на небольшую картинку, висящую на стене сразу же за дверью?

По правде сказать, я совсем не заметил никакой картины в комнате наверху.

– На той акварели изображен вход в железнодорожный туннель на берегу озера. Странно, я никогда не видел этой картины, но этот простенький пейзаж постоянно возникал и раньше в моем воображении. Неудивительно, что ты не заметил картины, потому что она была закрыта дверью. Но, когда я только входил в эту комнату, мне показалось: что-то скрывается за дверью. Я даже решил про себя, что это – картина. Осматривая комнату, я как бы невзначай заглянул за дверь и увидел то, что хотел. Ты можешь не верить, я сам мало верю в ясновидение.

Мне это показалось какой-то мистикой, и я заподозрил, что Краб попросту разыгрывает меня. Тоже мне, чудотворная икона! Картонка, размалеванная красками. Вероятно, это было одно из начальных проявлений странностей Краба.

5

На следующий день я помог Крабу перебраться на новую квартиру. Когда я наблюдал, как он распаковывает свои чемоданы на новом месте, то заметил у него много книг на латинском и итальянском языках с множеством бумажных закладок. Среди книг по литературе и философии изрядную часть составляли произведения итальянских писателей и сочинения древнеримских мыслителей. Я взял одну из них в руки. Судя по потрепанной обложке, опус Тита Лукреция Кара «О природе вещей» пользовался у хозяина особым вниманием.

Краб, заметив мой интерес к его книгам, улыбнулся и, хлопнув ладонью по пыльной стопке, заметил:

– Дом, в котором нет книги, подобен телу, лишенному души.

При этом облачко пыли, выбитое из кипы фолиантов и похожее на душу, покинувшую тело покойного, повисло в воздухе, а затем медленно стало опускаться в косых лучах солнца, проникших в комнату сквозь мозаичные стекла чердачного окна.

– Хорошо сказано, – похвалил я.

– Это не мои слова, Цицерона, – и Краб показал томик сочинений знаменитого оратора. Я впервые пожалел, что не знаю латынь.

Мне показалось, что Краб по-особому относится к своим книгам, как к вполне одушевленным предметам. Возможно, что для него эти книги являлись истинными друзьями и собеседниками. У него имелись оригинальные точки зрения на книги и литературу. Так, вытащив из стопы сочинение Джакомо Леопарди, Краб заметил:

– Этот писатель полагал, что всякую книгу, если она не учебник, начинают изучать только тогда, когда она становится классической. А Полибий серьезно думал, что среди современных авторов всегда будет немало таких, которые по своей остроте наблюдений и полезности выводов уходят намного дальше великих классиков. И следует обращать внимание не на имя писателя, а на содержание его книги. Однако, как замечает тот же Леопарди, легче посредственной книге произвести шум, если автор уже достиг популярности, чем начинающему автору добиться популярности посредством превосходной книги.

– Отчего же так получается?

– Я думаю, что в этом сказывается инерция нашего мышления. От природы мы все консерваторы, мы привыкли жить в определенной атмосфере, блюсти свое жизненное кредо, охраняя его от вторжения всего чуждого нашему духу. Мы отдаемся течению жизни и довольны этим. Мало кому нравится плыть вперед, если плыть по течению, устанешь, а если против – быстрина легко поглотит. Вероятно, поэтому, чтобы жить в этой жизни, нужно перестать думать. То есть не то, чтобы вообще не думать, а так, лениво думать согласно со временем.

Позже я заметил, что Краб обладал изумительной памятью. На любой случай жизни он приводил соответствующее высказывание какого-либо мыслителя. Я также заметил, что иногда он прибегал к манипуляции, когда это было ему нужно, и словами великих людей говорил совсем противоположные истины. В этом скрывалась еще одна его загадка, секрет антиномии его души.

Однако общение с ним доставляло мне особое удовольствие, и самыми лучшими часами моей студенческой жизни были часы, проведенные с ним в беседах. После занятий меня, как магнитом, тянуло к этому отшельнику, но иногда у меня возникало опасение, не становлюсь ли я слишком назойливым с моими частыми визитами. Однажды я пропустил четыре вечера, провел их скучно и бестолково в общежитии. Краб, встретив меня в университете, остановил в коридоре и спросил:

– Ты перестал у меня бывать, не обидел ли я тебя чем-либо? А может быть, у тебя завелась подружка?

Что я мог ему ответить? Заговорить об Оле я ни разу с ним не решился: несмотря на всю нашу откровенность, я избегал затрагивать в разговоре с ним эту болезненную тему. Пообещав ему прийти вечером, я подумал, что Краб в своем одиночестве, созданном искусственно им самим же, тянулся к общению с людьми.

В тот вечер он сказал:

– Мне всегда приятно говорить с тобой, потому что ты доверяешь все свои мысли и тайны. Это великий подвиг, когда люди истинно откровенны друг с другом, когда они способны открывать свои боли, именно через боль они и связаны между собой в своем высшем предназначении. Вероятно, мысль человека родилась тоже от боли, от тоски и стремления друг к другу.

В этот момент я вспомнил об Оле и подумал, что никогда не смогу быть откровенным с Крабом до конца. Меня с ним разделяла тайна.

Однажды мы встретились с ним в университетской библиотеке, некоторое время болтали о малозначимых вещах, и вдруг он изрек:

– Каждый человек обязан быть достойным своего появления на свет.

– Как это достойным, – возразил я ему, – разве человек, появившись на свет, уже не получил право на жизнь?

Он кротко улыбнулся и сказал следующие слова, которые прозвучали для меня почти с библейским смыслом:

– «Кто не ценит жизни, тот ее не достоин» – слова Леонардо да Винчи. Я же говорю, что человек рождается с определенным предназначением, и смысл его жизни – оправдать это предназначение.

Когда он произносил «я же говорю...», то походил почти на Иисуса Христа, и я подумал, уж не новый ли пророк это. Но он тут же меня разубедил, как будто прочитал мои мысли.

– Но я не хотел бы быть пророком. Потому что пророками восхищаются, им завидуют, а в обычной жизни ненавидят, и только после смерти их поднимают на пьедестал, а если к тому же их умудряется при жизни распять, то тогда превозносят этих мучеников и страдальцев как истинных святых во имя искупления своих грехов. Такова психология людей, ничего здесь не поделаешь.

Мне показалось, что о предназначении он знает больше меня, и я спросил его, что значит предназначение. Он смотрел куда-то вдаль сквозь меня и как будто не слышал моего вопроса. Но затем он рассказал мне притчу. Не знаю, имеет она отношение к предназначению или нет.

– Однажды у Верховного Владыки хранилища душ спросили, можно ли выпустить душу такого-то умершего на свет Божий. Тот спросил: «А чем проявила себя душа в прежней жизни?» «Ничем» – последовал ответ. «Так зачем ее выпускать вторично, – удивился Владыка, – подберите другую кандидатуру».

Он вдруг рассмеялся и сделал жест, охватывающий читальный зал.

– Глядя на шкафы с книгами, я вспомнил эту притчу и подумал, что также и среди книг есть души никчемные и забытые, души, достойные время от времени появляться на свет, и души, способные властвовать над умами других поколений. Ну как? Скажи, интересную модель мироздания я тебе начертил?

После таких слов я окинул новым взглядом читальный зал. «Хранилище душ! Какое странное сравнение нашел Краб библиотеке, – подумал я. – И в самом деле, интересная модель мироздания. В таком случае, библиотекарь – Верховный Владыка хранилища душ. Забавно».

6

С Крабом мы находились не только в разных интеллектуальных категориях, но и в разных пунктах движения по восходящей кривой жизненного опыта. Как-то он привел мне одно восточное изречение, смысл которого древние мудрецы сокрыли в языке символов: «Дикий гусь стремится к морю, мотылек – к цветку, краб – в свою нору». Я понял это так, что вначале человек ищет себя, стремится познать мир, как гусь, летящий к морю. Затем находит свою половину, возлюбленную, и подобен в этот период мотыльку, летящему к цветку, отдаваясь красоте и наполняя красотой мир. И наконец, ищет смысл жизни, становясь отшельником и создавая «свой поздний труд из зыбких озарений». Я находился в начале этого пути, Краб – в конце. И я не мог не проиграть Крабу в любой жизненной ситуации.

Погруженный в свои мысли, я стоял у дверей ректората, когда Краб нам объявил:

– Хочу вас обрадовать. Завтра мы едем на уборку картофеля. Я буду руководителем группы. По всей вероятности, две недели мы проведем на свежем воздухе.

Студенты, как дети, закричали ура, а я в душе содрогнулся, проклиная ленивых колхозников. Там нам предстояло очутиться втроем: Оле, мне и Крабу. Я как предчувствовал начало моей катастрофы.

Утром, когда мы садились в автобус для отправки в колхоз, я сразу понял, что между нами что-то переменялось и прежних отношений уже быть не может. В мою сторону Оля ни разу не посмотрела. Краб, проверив, вся ли группа в сборе, дал распоряжение отправляться. Я сидел на последнем сидении, Краб рядом с водителем, а Оля в середине автобуса. Оля время от времени бросала на Краба задумчивые взгляды, Краб же избегал смотреть в ее сторону. Я мучился догадками, что происходит между ними. В глубине моей души зарождалось смутное чувство тревоги. Я продолжал любить Олю, даже когда она не отвечала мне взаимностью.

Я вспомнил, как однажды я попытался выяснить их отношения и спросил ее напрямую: – Что у вас произошло с Крабом?

Оля посмотрела на меня своими отливающими золотистыми искорками глазами и сказала, как отрезала:

– А вот тебя это уже совсем не касается.

Как сейчас, помню ее взгляд, от которого мне до сих пор становится не по себе.

Еще вчера мы были с ней друзьями, а сегодня в автобусе мы держались, как незнакомые люди, почти враги. Всю дорогу Оля рассеянно смотрела в окно, а Краб, повернувшись к сидящим рядом студентам, рассказывал что-то очень интересное. Они постоянно хохотали. Что он мог им такое рассказывать, этот рак-отшельник? Мне страшно хотелось к ним присоединиться, но я оставался на месте, сердился на себя, на него и сильно ревновал Олю к нему.

По дороге мы сделали одну остановку на ферме, где остались почти все парни со старостой группы. Оттуда можно было вечерним автобусом возвращаться в город, а утром приезжать на работу. Я, Славик и Краб вместе с женской группой отправились дальше. Освободившиеся рядом с Крабом места заняли девушки. Он продолжал развлекать их. Оля осталась на своем месте, я – тоже. К обеду мы прибыли в село, куда нас направили работать.

Нашим временным общежитием стал просторный дом, стоявший у самой речки за деревней. В этом доме, разделенном на две части коридором, в одной комнате расположились мы трое, в другой – девушки. В обеих комнатах – длинные полаты от стены до стены, покрытые соломой, сверху – матрасы, одеяла, простыни, обстановка предельно простая. Обедать ходили в деревенскую столовую.

За суетой устройства быта я забыл о своих переживаниях и томлениях. В столовой во время ужина мы сидели вместе с Крабом. Я, как бы невзначай, посмотрел в сторону Оли. Она скользнула по мне взглядом, как по неодушевленному предмету, ее глаза остановились

на Крабе, смотрели вопросительно, а губы притягивали к себе, как лепестки цветка. Я вновь испытал настоящие душевные муки.

Мне запомнилась первая ночь, проведенная на новом месте. То ли от сознания, что рядом, в соседней комнате, находится Оля, то ли от жесткого ложа, я долго ворочался и никак не мог заснуть. Вдыхая запах свежего сена, я пытался уловить в ночной тишине присутствие своей возлюбленной, однако слышал только ровное дыхание Краба. Я думал, что Краб уже спит, как вдруг в тишине спящего дома услышал его негромкий голос:

– В этом селе отбывал ссылку Иосиф Поджио, и эта река является свидетельницей, что женщина оказывается большим злом, чем все беды, вместе взятые. Эти берега реки, эти камни, вероятно, могли бы многое поведать о разочаровании Поджио.

Я ничего не ответил. Мне показалось, что Краб хочет о чем-то рассказать, облегчив свою душу.

– Мужчина может быть уверен только в себе, но не в сердце женщины, которую любит.

Я слушал Краба и думал об Оле, такой недоступной и так близко находящейся от меня, о Крабе, который, казалось мне, в своей жизни тоже испытал горькое разочарование в любимой женщине. Краб еще долго говорил о непостоянстве женщин, о скоротечности их чувств, иллюзии долговечности любви. Однако, чем кончились рассуждения Краба, я так и не дослушал, уснул. Видел сон, как над тихой рекой взошла луна. Река серебрилась в сиянии ее безжизненного света. От чистой воды поднимался легкий туман. И в этом тумане навстречу друг другу брели двое с закрытыми глазами, как два лунатика, Оля и Краб. Они легко ступали по воде, как два бестелесных призрака. Вот они коснулись друг друга, обнялись, оттолкнулись и побрели дальше в разные стороны. Сон казался настолько странным, нереальным и до боли в сердце красивым, что я невольно любовался им, как сверхъестественным таинственным видением. Когда я открыл глаза, солнце уже светило в окна нашего дома.

7

Утром девушки с ведрами отправились в поле на сбор картофеля, а мы втроем пошли работать на загрузке его в овощехранилище. Краб работал с нами, демонстрируя свою демократичность, хотя в его обязанность входило только руководство нами, сам же он мог не работать.

Самая трудная работа начиналась ближе к вечеру, когда у окон овощехранилища скапливались груды картофеля, который нужно было протолкнуть в окна и раскидать по закрытым. После ночей с заморозками неубранный картофель годился только для перегонки спирта. Поэтому вечерами мы работали до изнеможения. Иногда девушки приносили нам ужин прямо на работу. Возвращаясь в общежитие поздно вечером, усталые, мы валились на полати и засыпали сном убитого.

Как-то после работы Краб заметил:

– Только занимаясь сельским трудом, я чувствую истину суждения Ницше, что праздность – мать всякой психологии. Раньше в мягкой постели я часами не мог уснуть, мучаясь бессонницей, сейчас же стоит мне коснуться головой подушки, засыпаю, как новорожденный младенец.

Цвет лица у Краба посвежел, и весь он помолодел от физического труда.

В деревне я почувствовал какой-то холодок в наших отношениях с Крабом. Странное дело, раньше мы виделись редко, но когда встречались, говорили подолгу о высших материях, сейчас же спали, работали вместе, делили трапезу, но говорили о пустяках и то от случая к случаю. Краб часто погружался в свои мысли, и я обычно оставлял его в уединении, а сам пытался ухаживать за Олей. Но Оля сторонилась меня, особенно, когда я пытался завязать с ней беседу на глазах у Краба. Сколько раз я представлял себе, как возьму Олины руки в свои, загляну ей в глаза и скажу: «Любимая, ты не представляешь, что я могу сделать ради тебя». Я по-прежнему продолжал предаваться иллюзиям.

В один из первых вечеров нашего пребывания в селе произошел неприятный инцидент. В наш дом ворвались деревенские парни. Краб, как руководитель группы, вежливо предложил им убраться, но те и слушать не хотели. Атмосфера быстро накалялась. Мы со Славиком почувствовали приближение грозы, приготовились к драке.

Вспоминая тот решающий момент нашей ссоры с деревенскими парнями, я не могу не подумать об огнях Эльма, и вот по какой причине. Я уверен, что и Краб, и Славик испытывали одно и то же волнение, которое возникает у всех перед дракой. Наше положение становилось критическим, на каждого из нас приходилось по несколько человек. Их предводитель с пьяной рожей сжимал кулаки от злости. Краб отвечал ему спокойно, остроумно, с чувством собственного достоинства, что еще больше распаляло того. Наконец, потеряв всякие аргументы, Пьяная Рожа приказал Крабу, прислонившемуся к полатам, встать:

– Я не бью лежащего.

Краб спокойно поднялся. Мы со Славиком тоже встали. И тут мне показалось, что произошло то самое явление. Голова Краба засветилась непонятным сизым огнем. Как будто ореол святости или мученичества воссиял над его макушкой. В этот кульминационный момент я не мог не подивиться, глядя на это чудо. Девушки закричали:

– Постыдились бы – на троих всей деревней.

Это и в самом деле устыдило парней, они вывели за руки Пьяную Рожу, девушки закрыли за ними двери на все запоры.

– Они теперь нам все стекла повыбивают.

Но стекла остались целыми, а с улицы еще долго доносились голоса.

Однако после этого инцидента и начались беспокойства Краба. Девушки в поле знакомились с трактористами, заводили среди них дружков. После работы некоторые из них уходили на свидание и возвращались поздно ночью. Краб переживал за каждую из них, потому что не был уверен в порядочности парней:

– Не вышло бы какой истории, – говорил он.

Несмотря на усталость, он засыпал спокойно лишь тогда, когда возвращалась со свидания последняя студентка. И тут он пошел на гениальную хитрость. Как-то вечером он мне сказал:

– И как у них хватает сил после тяжелой работы тащиться еще куда-то на свидание?

– Любовь силы удесятеряет.

– Верно, – согласился Краб. – А вот, по мнению Овидия, страх силы отнимает.

Тут он вдруг хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Эврика! Ты знаешь такой знаменитый афоризм Тацита: «Страх и ужас – непрочные узы любви».

Я этого афоризма, разумеется, не знал. Краб, улыбнувшись, продолжал:

– Почему-то я вспомнил эту фразу и подумал, что страх и ужас – непрочные союзники любви. Стоит только их посеять, как те, которые начнут бояться, перестанут ходить по ночам на свидание.

С этого вечера Краб стал рассказывать девушкам страшные истории, а он был непревзойденным рассказчиком, и о его фантазии я уже говорил ранее. Если бы он записал только часть своих потрясающих рассказов, то великие мастера ужасов Эдгар По и Стивенсон перевернулись бы в гробу от зависти. При этом Краб всегда сохранял необыкновенную серьезность, и, глядя на него, я вспоминал как-то приведенные им слова Цицерона: «Удивительно, как это жрецы-предсказатели, взглянув друг на друга, могут еще удержаться от смеха». Но мне было не до смеха особенно в те минуты, когда я поддавался всеобщему настроению. Именно тогда я воочию увидел, как кровь стынет в жилах.

Вначале девушкам понравились вечера ужасов с гаданиями, спиритизмом, вызовом духов усопших. Они визжали от восторга, принимая участие в погружениях Краба в сферы тьмы. Кстати, замечу, что Краб достигал большой выразительности своих рассказов, создавая соответствующую обстановку. Тушился свет, в самых напряженных местах, когда он делал паузы, обязательно что-либо происходило невероятное: вдруг с потолка начинала сыпаться штукатурка или раздавался неожиданный стук в окно. Как это ему удавалось, мне остается только ломать голову. В конце концов, от ежевечерней игры на нервах и острых ощущений девушки приуныли и (потрясающе, рецепт Краба начинал действовать) стали бояться. Как только начинало темнеть, ни одна овечка не отваживалась переступить порог дома.

Наше общежитие превратилось в затворнический женский монастырь не только в фигуральном смысле. Краб одержал еще одну победу, добившись своего, – девушки оставили своих дружков. Я подумал в то время, что религия, возможно, возникла из тех же истоков и побуждений, из которых родилась игра Краба в нагнетании страха, – из человеческой заинтересованности.

Все Крабу доставалось легко. Он родился победителем, не знающим поражений. С его умом и талантами, если занять активную позицию, можно было многого добиться.

8

Эксперимент Краба породил странную тенденцию к переселению девушек в нашу комнату. Через несколько дней после начала вечеров ужаса две девушки, ссылаясь на боязнь оставаться на ночь среди своих подруг, перебрались в нашу спальню. Места на полотах хватало, Краб не возражал, и вскоре все полаты заполнились, и случилось так, что постель Оли оказалась рядом с постелью Краба.

При ее переселении я испытал противоречивые чувства. С одной стороны, меня радовало ее присутствие, ночью мне казалось, что я слышу ее ровное дыхание. Одна мысль, что Оля спит в нескольких метрах от меня, делала меня уже счастливым. Но, с другой стороны, меня огорчало, что она лежит ближе к Крабу, чем ко мне. Впрочем, откровенно говоря, я уже тогда раскусил ее хитрость. Оля перебралась в нашу комнату из-за Краба, а не потому, что ей было страшно спать в соседней комнате. В один из следующих дней ее бесстрашие и храбрость вызвали восхищение не только у нас, но и у жителей всего села.

Говоря о ее поступке, Краб привел высказывание Гвиччардини: «Настоящий пробный камень для испытания людей – это неожиданно нагрянувшая опасность: кто устоит перед ней – может действительно называться твердым и неустрашимым. Храбр тот, кто осознает опасность, но не боится ее больше, чем следует». Мне кажется, что в тот день Краб поднял женский авторитет Оли до уровня своего уважения, так как ее поступок он приравнял к поступку мужчины.

Девушки, возвращающиеся с поля на обед в столовую, услышали со стороны реки крики, взывающие о помощи. Прибежав к реке первой, Оля увидела, что трое детей возбужденно бегали по берегу, кричали и показывали на середину реки. Там то появлялась, то исчезала голова еще одного мальчика. Он упал в одежде с перевернувшейся лодки и от страха успел наглотаться воды. Оля бросилась в воду, схватила мальчугана и выплыла с ним на берег. Так Оля стала для нас героиней, а для бедной матери, вдовы Марии, – спасительницей единственного ребенка.

Краб встретил Олю словами Сенеки:

– Похвальна доблесть, когда она уместна.

Краб мог бы сказать ей что-нибудь более теплое, но он был не способен на глубокие сантименты, во всяком случае, их проявление я ни разу не наблюдал.

Оля подружилась с Марией, и каждый вечер проводила у нее. Она сердилась, когда кто-нибудь в ее присутствии начинал говорить об этом поступке, так как считала, что любой, оказавшийся на ее месте, сделал бы то же самое.

Как-то, порвав брюки, я отправился в общежитие, чтобы их починить, и застал там Олю. Она встретила меня приветливо и даже предложила свою помощь. На этот раз она сама заговорила со мной о Крабе. Она спросила, почему Краб старается нагнать на девушек страх. Я не мог не объяснить ей причину. Она улыбнулась и сказала:

– А разве даже ради общего блага стоит прибегать к нечестным путям в достижении цели?

– Вероятно, стоит, – ответил я.

– Даже идя на хитрость, инсценируя подобные вечера ужасов? А он не подумал, что может нанести девушкам душевную травму?

– Все это ерунда, – заявил я. – Подумаешь, две недели они проживут без ухажеров, ну, потрясутся немного от страха для своей же пользы.

– А, вообще, как он относится к хитрости и лжи?

– Кто?

– Ну, он.

Оля избегала называть Краба по имени или прозвищу, и, когда она произносила «он», я всегда знал, кого она имеет в виду. Я ей ответил:

– Думаю, что его мнение не расходится с суждениями великих мыслителей.

– И ты можешь хотя бы одного из них привести для примера?

– А как же, – сказал я важно, надевая бьюки в соседней комнате. – Сколько хочешь.

И подумал, что во всем этом есть что-то странное. Ученик цитирует своего учителя. Тот, в свою очередь, цитирует слова другого мыслителя. Как будто у нас нет собственного мнения о лжи и справедливости. М-да, я явно попал под влияние Краба. Но с другой стороны, равняясь на эталоны вечности, не впадешь в ошибку. Это тоже правильный путь. Если составить схему передачи всех знаний человечества, то нужно начертить цепочку связи от столетия к столетию, а память в этой цепочке играет роль Бога-отца.

– Что же ты молчишь? – вывела меня из задумчивости Оля. – Не можешь вспомнить?

– Почему же, – и я привел высказывание Леонардо да Винчи. – «В числе глупцов есть такая секта, называемая лицемерами, которые беспрерывно учатся обманывать себя и других, но больше других, чем себя, а в действительности обманывают больше себя, чем других».

– Все это ты слышал от него? – Оля рассмеялась. – Странно, что он, цитируя подобные изречения, сам прибегает к хитрости. Почему бы открыто не запретить девушкам выходить из дома по вечерам?

Я пожал плечами:

– Ты же знаешь, что с одной можно как-то договориться, но, когда вас много, извини за выражение, вы превращаетесь в неуправляемое стадо.

Оля, кажется, обиделась, но я остался доволен, впервые она говорила со мной о Крабе спокойно. Странное дело, но в тот же день Краб спросил меня, что я думаю об Оле. О, если бы я мог открыть ему тогда душу, поведать о своей пламенной любви, которая сводила меня с ума, может быть, ничего и не произошло. Но вместо этого я допустил ужасную оплошность, сказал Крабу совсем не то, что думал. Из моих слов он заключил, что я к Оле отношусь равнодушно. Почему я так сделал? Да, вероятно, потому, что в ту минуту мне вспомнился стих Овидия: «Опасно бывает хвалить любимую другу. Он и поверит тебе, он и подменит тебя».

Лучше бы я тогда не хитрил с Крабом, а выложил ему все начистоту. Я сам себя лишил своего же счастья. Но тогда мне и в голову не пришло, что все пойдет прахом. Я очень верил в Краба, почти обожествлял его, я даже не подозревал, что у него могут быть человеческие слабости. Он сам говорил мне о предостережении Джордано Бруно: «Кто не хочет быть очарованным, должен быть весьма осмотрительным и ставить сильный караул в глазах, которые, особенно в любви, являются окнами души».

И грянул гром среди ночного неба. Я проснулся, словно кто-то меня толкнул в бок. Некоторое время лежал с открытыми глазами, всматриваясь во тьму. Вдруг мое ухо уловило среди ровного дыхания спящих шорох, я приподнялся на локте и посмотрел в ту сторону. Мои глаза, привыкшие к темноте, различили голову Краба. Краб наклонился к Оле и поцеловал ее в губы. Мне хотелось крикнуть: «Не делай этого!», – но я не мог произнести ни слова. Оля не сопротивлялась, более того, она обняла Краба за шею и притянула к себе.

Утром, когда все еще спали, я тихонько выбрался из дома и вышел на дорогу. Вскоре меня подобрал грузовик и довез до города. За самовольный отъезд из колхоза меня могли исключить из университета, но Краб все уладил, меня даже не сняли со стипендии.

Я возненавидел Краба по-настоящему после его разрыва отношений с Олей. Оля вдруг перестала ходить на занятия, исчезла из города. У меня с Крабом произошло бурное объяснение. Много я высказал ему тогда. Но даже, когда с моего языка слетали жестокие слова, в моем сердце шевелилась какая-то жалость к нему. Он совсем не оправдывался, напротив, выглядел до такой степени подавленным и беспомощным, а вскоре произошла эта трагическая развязка, после которой я получил его рукопись и записку.

Перечитывая эту рукопись, я сознаю, что замеченные мной тогда странности, происшедшие с Крабом, являлись не чем иным, как отголосками таинственных событий, описанных

в его рукописи и так повлиявших на его жизнь. Я теряюсь в догадках. Кто он? Пророк или сумасшедший? Если пророк, то ничего не понимаю ни в его мировоззрении, ни в его жизни. Как будто я соприкасаюсь с холодной, чуждой, хрустальной гранью некой далекой поверхности, на которой я не смог бы зацепиться, ни тем более существовать. Как-то, размышляя, я назвал свое видение его мира «окном в область планеты из четвертого измерения». Впрочем, я допускаю, что если существуют такие люди, как Краб, то существуют и подобные планеты. Если же он сумасшедший, то я испытываю еще большее чувство вины, что вовремя не смог остановить его.

Я решил опубликовать записки Краба, так как после его смерти имею право распоряжаться ими как своей собственностью. Последнее время многие бросились в поиски четвертого измерения, и я хочу предостеречь всех на этом пути, пожелать, чтобы они извлекли урок из жизни учителя и ясно увидели, чем это может кончиться. Пусть они сами сделают свои выводы и вынесут собственные суждения. Возможно, эти выводы будут противоположны моим, но каждый человек волен оставаться под судом только своей совести.

Часть вторая Рукопись учителя Краба

*Io vedo il terribile treno,
Che va senza freno
E senza stazione(
Con interminabili vagoni:
Lunedì, Martedì, Mercoledì,
Giovedì... e sempre così.
Voi non vedete e ridete,
Perché voi siete
Ciechi fin dalla cuna
Per vostra fortuna.
Bino Binazzi*

*Я вижу ужасный поезд,
Который идет без тормозов
И без станций
С нескончаемыми вагонами:
Понедельник, Вторник, Среда,
Четверг... и так всегда
Вы не видите и смеетесь,
Потому что вы слепы
Благодаря вашему счастью!
От рождения.
Бино Бинацци*

Глава I

Как только поезд отправился с Ярославского вокзала, как только за окнами замелькали привокзальные постройки и телеграфные столбы, я почувствовал Движение в далекое и неизведанное будущее, в Страну, о которой не имел ни малейшего представления, хотя и много думал о ней. Стоя в коридоре купейного вагона, я наблюдал за снующими пассажирами, стараясь угадать ту силу, которая увлекала их в Дальние Дали. У каждого из них – своя судьба, свои мысли, переживания, и у каждого своя неповторимая Душа.

Кто долгое время живет уединенно, подобно мне, приучая себя воспринимать жизнь только через книги, тот убеждается на собственном опыте, попав в круговорот Движения, что жизнь намного интереснее самого интересного романа. Еще на вокзале, стоя в одиночестве и боязливо озираясь по сторонам, я вдруг понял, что совсем разучился разговаривать с людьми, оставаться простым и открытым, перестал быть самим собой. И в эту минуту мимо меня прошел незнакомец. Он как-то странно заглянул мне в лицо своими небесно-чистыми глазами, и что-то хотел мне сказать, но передумал и прошел мимо. И в эту минуту я вдруг ощутил какой-то электрический щелчок внутри, как будто кто-то включил лампочку в одной из потаенных каморок моей души и осветил мое «Я» изнутри. И я вспомнил о моей болезни – болезни одиночества.

В купе попутчиков не оказалось, и я воцарился как полновластный хозяин в своем кратковременном убежище. Я считал одиночество лучшим состоянием моей жизни и чувствовал себя только тогда по-настоящему счастливым, когда ничто инородное не вторгалось в мой покой. Есть люди, для которых уснуть на вокзальной скамейке так же легко, как у себя дома. Таких людей в этом мире большинство. Но я принадлежал к той категории людей, которым трудно уснуть даже в своей собственной постели. Даже в глухой темной комнате, при желании, можно услышать странные звуки. Эти звуки, порождаемые мириадами разумных и неразумных существ, населяющих нашу планету, своим движением наносят царапины и уколы незащищенному сердцу. Древние люди гордились тем, что, оставаясь в темной комнате, могли чувствовать сердцем весь мир, мне же никак не удавалось уберечь свое сердце от вторжения этого мира.

Сидя у окна и всматриваясь в мелькающий калейдоскоп пейзажей, я до сих пор не мог осознать, как это я пустился на подобную авантюру, бросив насиженное гнездо, очертя голову, ринулся в далекую страну, о которой не имел ни малейшего представления. О будущем думать не хотелось. Будущее навредило на меня страх.

В некоторых местах уже чувствовалось приближение осени, пожелтела листва на деревьях. Поезд остановился на станции. В купе вошел пассажир.

– День добрый. Свободно у вас? – спросил он и сел.

По-видимому, я ответил не совсем приветливо, окинув беглым взглядом моего попутчика. Человек средних лет с умными глазами, бородой и длинными волосами робко покосился на меня.

Такие люди, как я, во избежание дорожных сюрпризов обычно напускают на себя маску неприступности. Это – черствые сухари, жестокие и бесчеловечные эгоисты, которые любое веселье превратят в похороны, а хорошее настроение – в уныние.

Немного расслабившись, я все же спросил его:

– Едете по делам службы?

– Совершенно верно изволите заметить, – вежливо наклонил голову в мою сторону попутчик, – еду в Староместную церковь заменить умершего архидьякона Николая, Царство ему Небесное, упокой его душу.

Голос попутчика перешел на шепот, творя молитву, он перекрестился. У меня появилось такое ощущение, как будто ворона, пролетая, коснулась моего лица своим крылом. Я не любил попов.

Наступила неловкая тишина. Сознавая комичность и бессмысленность этой паузы, я ничего не мог поделать с собой, иногда кажусь себе таким дураком из-за своего заторможенного рефлекса, часто у меня возникает желание во время разговора закрыть глаза и уснуть.

– Вы едете, вероятно, из Загорска? – выйдя из ментального штопора, спросил я.

– Из Загорска. Получил новое назначение.

– Должно быть, и повышение в сане?

– Нет. Повышения в сане не получил.

– Тогда что же это? Ваша ссылка?

– Господу Богу везде нужны его верные служители, – сказал он уклончиво и отвел глаза.

Я еще раз окинул взглядом его сухощавую фигуру, на этот раз он показался мне совсем молодым. Мне даже показалось, что в его умных глазах поблескивают искорки бунтаря, попавшего в опалу среди своей святой братии. Жутко интересно встретить бунтующего попа – дьявол непокорности сражается с ангелом смиренности. В другой обстановке я никогда бы не задал такого банального и глупого вопроса:

– Вы верите в Бога?

Некоторое время священник смотрел на меня испытывающим взглядом.

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Мне кажется, вы в чем-то сомневаетесь.

– Но только не в существовании Бога, – в его голосе прозвучала убежденность, и сам голос приобрел оттенок металлического звучания.

– Отчего же не усомниться в существовании Бога? – спросил я его спокойно.

– Я вижу, вы умный человек, – заметил он, – но кто может сказать, что он не верит в Бога?

– Какие существуют! доказательства? – промолвил я.

– Целесообразность убеждает в сверхприродной, разумно-упорядочивающей мир причине.

– Это я знаю. Более того, я уверен, что сейчас вы начнете говорить об абсолютно необходимом существе, в котором нуждаются случайные вещи, о первопричине в цепи действующих причин, об абсолютном совершенстве и прочей дребедени Фомы Аквинского из понятий нулевого класса. Но каковы ваши личные доказательства Бога?

– Бог есть Бог, и он не нуждается в доказательствах. Он существует сам по себе, и ему безразлично, найдем мы доказательства его существования или нет. Вы же не требуете доказательств вашего существования у этих людей, – и он кивнул в сторону крестьян, работающих в поле, – только люди, стремящиеся к Богу, способны найти подобные доказательства. Даже вы, человек разума, не можете объяснить многие явления в нашем мире, но уверяю вас, существуют такие области мироздания, в которые вы никогда не проникнете, которые останутся существовать, даже если вы их никогда не познаете.

Теологические опусы и умозрительные дискуссии, как, впрочем, и душеспасительные проповеди закалили мышление этой духовной иерархии, сделали их магами в манипуляциях с понятиями нулевого класса, виртуозами убеждения, которое, несомненно, стало их стихией за многие столетия безграничного господства над верующими. Но я не принадлежал ни к числу верующих, ни к числу атеистов. Я был сам по себе. Единственное, в чем был прав поп, я считал себя человеком разума.

– По-вашему, Бог является той тайной, которая недоступна человеческому разуму. Но не боитесь ли вы, что и эту тайну человек когда-нибудь разгадает.

– Нет. Не боюсь. Даже после этого человек еще не станет Богом. Он останется абсолютным природным совершенством, продуктом совершенного Абсолюта. Ибо только тогда чело-

век станет Богом, когда он обретет способность создавать материю из ничего, творить из неживой природы живую, превращать живую материю в мыслительную субстанцию и, кроме всего этого, должен обрести бессмертие в вечности.

– Но человек уже идет по этому пути, он творит роботы и кибернетические машины!

Священник мягко улыбнулся моему восклицанию.

– Эта техника, несомненно, нужна человеку, но она является только не очень искусной подделкой природы, пародией на природу. Представьте, что на земле возникает неизлечимая женская болезнь, которая в короткий срок истребит весь женский род. Разве могут компьютеры и роботы заменить вам женщину?

Я невольно улыбнулся, представив эту картину.

За фасадом вековой церковной догматики пробивались лучи живого человеческого ума, мои взгляды тоже не претендовали на критерий носителей объективной ценности. Каждый из нас по-своему поднимался дорогой, ведущей к вершинам духовного совершенства. И это даже прекрасно, что пики нашей мудрости имели противоположные полюса. Биполярность всегда способствовала поиску в решениях антиномии. Кто-то из немецких мыслителей сказал, что духовная жизнь – это пульсация взаимодополняющих противоположностей.

Мы все больше углублялись в лабиринты сложной умозрительной дискуссии, открывая друг другу новые этажи своей духовности. Наша беседа струилась, как ручей, мирно обтекающий острые камни, и в какой-то момент я подумал, что смог бы примириться с церковью. Поистине, права пословица: «С умом повстречается ум, и в мире живут меж собой, с талантом столкнется талант, и вмиг загорелись враждой».

Мой собеседник открыл портфель, вытащил два бумажных стаканчика, гроздь винограда и несколько спелых яблок. Все это он расположил на столике в виде аппетитного натюрморта, затем извлек бутылку коньяка, что вызвало мое крайнее неудовольствие. Я избегал кутежей в дороге. Видя, как я поморщился, священник виновато улыбнулся:

– Это не коньяк, а церковное вино, очень слабое, – сказал он. – Прошу отведать, оно успокаивает и поможет нам быстрее заснуть, а коньяк действует возбуждающе и прогоняет сон.

Я посмотрел в окно. Было уже темно. Я не заметил, как стемнело, и в купе зажегся электрический свет. Священник открыл крышку бутылки и наполнил вином бумажные стаканчики. На темном стекле его профиль отражался, как в зеркале, и это отражение казалось мне бегущим, так как в темноте близкие и далекие огоньки перемещались с движением поезда. Мне казалось, что священник движется в небесном пространстве среди звезд, невесомый и неосязаемый, как символ заблуждающегося человечества. Я с его стороны, наверно, выглядел таким же.

Мы выпили вина. Вскоре наше внимание в разговоре переместилось на идею абсолютного совершенства. Даже когда мысль отрывается от действительности, другими словами, сходит с рельсов здравого смысла, и воспаряет фантазией в необозримые дали, всегда найдутся чувствительные весы для определения в них степени реальности в поисках неземных ценностей. Но в этот вечер я с удовольствием ставил свой мозг под нагрузку этих ценностей, и наши летучие, подвижные фантазии уносили нас в такие запредельные сферы, откуда рай нам казался вполне реальной землей обетованной.

– Вы верите в загробную жизнь? – спросил я.

– Да, – убежденно ответил он мне.

И его отражение в окне вдруг осветилось фейерверком бегущих огоньков – поезд пронесся через небольшую станцию. Как будто комета пролетела сквозь его взлохмаченные волосы и бороду. Передо мной запечатлелись два образа: один в статике, другой в движении. И мне казалось, что тот, который за окном скакал и прыгал сквозь мрак и несущиеся звезды за поездом, был реальнее, чем тот, кто сидел передо мной и смотрел на меня умными глазами.

Мы выпили еще, и я ощутил, что в моей голове наступило вдруг полное просветление, мысли рождались от какого-то внутреннего озарения и, обгоняя друг друга, вливались в Океан Мировой Гармонии. Потекли самые легкие и светлые минуты вечера, минуты расцветающих надежд. Мне стало жарко, и я почувствовал себя в купе уютно, как младенец в люльке, и уже не боялся будущего.

Утром, когда я проснулся, священника не было. На столике лежала записка: «Не хотел будить Вас. Желаю здравствовать и побольше верить в чудеса жизни».

Голова болела, я чувствовал тяжесть во всем теле. И, как всегда в минуты депрессии, на меня навалилась черная меланхолия. И так уж глупо был устроен мир, что, не имея возможности на секунду прервать ход своих мыслей, постоянно возвращающих меня на орбиту моих сомнений, я вновь услышал этот голос: «Чем так мучиться, открой дверь в тамбуре и прыгни под колеса встречного поезда». В самоубийстве есть тоже какой-то выход, когда своей рукой останавливаешь вращение колеса судьбы, прерываешь надоевшее мелькание земных событий, ставишь точку в высшем Абсолюте смен бытия: жизни и смерти. Родившись один раз, нужно хотя бы один раз умереть. Это так легко – выйти из временного цикла, переместившись в пространство вечности. Перед мгновенной и неожиданной смертью у меня нет страха. Страшно постепенное увядание, медленное старение, сознание неминуемого приближающегося конца. Но самоубийство – это тоже бессмыслица, такая же, как и сама жизнь. Войти в состояние покоя никогда не поздно. Впрочем, иногда мне казалось, что меня в жизни ничто не удерживало, кроме сомнений и тайн. Еще одно сомнение заронил мне в душу священник – тайну о потустороннем мире. Что это? Область четвертого измерения? Возможно ли общение с потусторонним миром? Есть ли разгадка шифра, открывающего этот секретный сейф?

Четвертое измерение, потусторонний мир, область, простирающаяся по ту сторону нашего сознания, – сфера инобытия, постоянная и вечная, в то время, как наш мир подвижен и изменчив. А существует ли в природе что-либо постоянное и вечное, неподвижное и неизменчивое, кроме духовных ценностей, таких, как долг, честь, любовь? Но раз нет в природе вечных и постоянных величин, значит, потусторонний мир – м и р а ж, и нет никакого четвертого измерения. Но если хотя бы на минуту допустить, что эти два мира все же существуют в природе независимо друг от друга, то тогда должны быть и пути вхождения в мир иной.

У меня еще больше разболелась голова. Я физически почувствовал, как моя мысль постоянно натывается на непреодолимую стену, отталкивается и вновь бьется о нее. За этой стеной скрывалась Великая Тайна человечества, и мне казалось, что если я не разгадаю ее, то сойду с ума. Я потерял виски, боль не проходила.

В вагоне-ресторане все столики были заняты. Я остановился в нерешительности, отыскивая себе место. Вдруг в дальнем углу я увидел человека, который мне запомнился еще на Ярославском вокзале. В моей памяти запечатлелся не он сам, а его небесный взгляд, проникающий в душу, эти глаза, словно две звезды, светящиеся в сиянии дня. Наши взгляды встретились, он кивнул мне как старому знакомому и указал свободное место напротив себя. Невольно повинаясь этому жесту, я уселся на стул и попал в плен его обаяния. Еще тогда, на вокзале, у меня возникло предчувствие, что еще раз обязательно увижусь с ним, вероятно, так душа своим внутренним чутьем предугадывает ход и развязку событий.

Он вторично одобрительно кивнул мне головой, но его поощрительная улыбка больше походила на ухмылку.

– Присаживайтесь, это место свободно, – его голос был мягок до вкрадчивости и чист, как горный ручей.

Я поблагодарил его, взял меню. Пока я выбирал блюдо и поджидал официантку, он не проронил ни слова, доканчивая свое второе. Но как только официантка отошла, он вдруг спросил меня:

– И часто у вас бывают головные боли?

Я удивленно посмотрел на него.

– Почему вы полагаете, что у меня головные боли? Вы кто, ясновидец?

Но вдруг в левом полушарии моего мозга резко кольнуло, возможно, лопнул капилляр, и произошло микрокровоизлияние. Я поморщился от боли.

– Вот видите, – сказал мой сосед, – я же вижу, что у вас болит голова.

– Да, – признался я, – вчера вечером я выпил немного вина, видимо, поднялось давление.

– Ваша голова болит не от этого, – уверенно заявил незнакомец.

– А от чего? – удивился я.

– Видите ли, когда человек пытается решать сложные задачи и напрягает свой ум до предела, то головная боль возникает вполне естественно. Еще хуже, если он ищет ответы на неразрешимые вопросы.

– Вы психолог или умеете читать чужие мысли? – спросил я и опять не получил ответа.

– Человек, который мнит себя исследователем и покорителем природы, якобы способным постигать ее тайны и даже управлять ею, заблуждается в своем всемогуществе и величии. Его жалкое органическое начало живет за счет расщепления продуктов природы под действием солнечной энергии на элементы, присоединяемые к его биологической схеме строения, кстати, по способу и процессу, ничем не отличающемуся от биологии мха. Основа человека скрыта в его среде обитания, в природе. Там его корни, там и его жизненная среда. Разве можно покорить среду, в которой ты живешь, и которая тебя питает? Думать так – все равно что, являясь эмбрионом, пытаться из утробы матери повлиять на исход своего рождения. Второе, не умея управлять ни своей биологией, не своей энергетикой, вы мечтаете проникнуть в иные формы бытия.

Незнакомец расхохотался. Его смех, похожий на звон колокольчика, распространился по всему салону, но никто не обратил на нас внимания. Мне казалось, что моя голова раздувается до размеров вселенной, и я вхожу в беспредельное пространство.

– Вы полагаете, что есть иные формы бытия? – робко спросил я.

– Их мириады, как во вселенной, так и здесь, на земле.

– Но где же они? – воскликнул я.

– Здесь, вокруг вас, – и незнакомец окинул взглядом пространство над моей головой.

Я устремил взгляд вверх, но увидел лишь потолок вагона-ресторана.

– Этот мир существует меж мириадами переменных величин: бытием и небытием, рождением и смертью, ожиданием рождения и ожиданием смерти. По-вашему, бытие одухотворено и временно, а небытие вечно и не имеет одухотворенности, потому что стоит по другую грань вашего превращения и является космическим минусом всего сущего для вас. Но вы в этом ошибаетесь так же, как ошибаетесь в том, что ваш разум может дать вам подсказку в открытии тайн инобытия. И чем дальше вы будете продвигаться в познании природы, тем больше будут множиться гипотезы ваших заблуждений.

Я слушал незнакомца с напряженным интересом и почти забыл о еде, которую поставила передо мной официантка.

– Так вы верите в загробную жизнь? – слетело у меня с губ.

– Загробную жизнь? – повторил незнакомец и лукаво улыбнулся. – Иными словами, вы хотите спросить, есть ли потусторонний мир?

– Да! Да! – возбужденно воскликнул я. – Вот именно, потусторонний.

– Есть, – просто ответил он, – и думаю, что в скором времени вы в этом убедитесь.

– Надеюсь, что не в скором времени, – буркнул я.

Незнакомец загадочно посмотрел на меня и улыбнулся. Его снисходительная улыбка вызвала во мне противодействующую реакцию.

– Можно подумать, что вы знаете дату моей смерти, – сострил я.

– Знаю, – спокойно ответил незнакомец.

Мне стало не по себе. У меня даже пересохло в горле. Незнакомец произнес последнее слово так уверенно, что в моей голове пронеслась мысль: «Да кто он такой?» В эту минуту я даже подумал: «Уж не специально ли он высадился с летающей тарелки, чтобы встретиться со мной?»

– Да что вы себе позволяете! – возмутился я. – Кто вы? Бог? Чтобы говорить мне такое.

– А разве вы верите в Бога? – также спокойно спросил меня незнакомец.

– Тоже нашелся мне Иисус Христос, – я пристально посмотрел незнакомцу в глаза.

Но не я, а он смотрел на меня, как удав на кролика. Мне ни разу не приходилось встречаться с гипнотизером.

– Не сердитесь, – невозмутимо сказал он, – я вижу, вы в самом деле не верите в чудеса.

– Еще бы, считаю все эти фокусы чистейшей воды шарлатанством.

– Ну что же, это ваше право.

Я с остервенением накинулся на свой завтрак и прикончил его за две минуты. Незнакомец не уходил, он с интересом наблюдал, как я проглатываю яичницу с ветчиной. Я же испытал неловкость за минутную вспышку гнева, пытаюсь исправить положение, я с иронией заметил:

– Признайтесь, вы пошутили по поводу даты моей смерти.

Незнакомец улыбнулся, его радужная оболочка глаз отразила в себе глубину вселенной. Он воскликнул:

– Нисколько. Я даже знаю, как и отчего вы умрете.

– От чего же?

– Вам это очень хочется знать?

И здесь со мной произошло то, чему я никогда не найду объяснения. Я пал духом, струсил. По правде признаться, узнать о своей точной дате смерти и обстоятельствах, при которых она произойдет, удовольствие не совсем приятное.

Даже шутка по этому поводу казалась мне в то время глумлением, до такой степени я считал свою смерть актом священным и таинственным. И чтобы не искушать дьявола, я ответил:

– Нет. Мне совсем не хочется знать того, что у благоразумных людей не может быть предметом шуток. К тому же, я немного суеверен. Зачем испытывать судьбу.

– Тогда и не будем об этом говорить, – охотно согласился собеседник.

Мы расплатились и поднялись из-за стола. На выходе из вагона-ресторана незнакомец меня спросил:

– Вы часто страдаете от головной боли?

– Довольно часто.

– Хотите избавиться от нее совсем?

– Вы еще спрашиваете об этом.

– В таком случае, я могу вам помочь.

– Как? – удивился я.

Мы стояли в тамбуре вагона-ресторана. Незнакомец попросил меня закрыть глаза и расслабиться. Затем он поднес руки к моей голове, но я не почувствовал их прикосновения, а ощутил холод, исходивший от его ладоней. Мне даже показалось, что со стороны его ладони подул ветер. Но вдруг рука незнакомца неожиданно начала нагреваться. Если бы я не знал, то мог подумать, что над моей головой держат раскаленную сковороду. Я услышал щелчки электрических разрядов, возникших между его ладонью и моей головой. Головная боль мгновенно прошла. Я ощутил небывалую легкость в теле и ясность в голове. Когда я открыл глаза, незнакомец мне сказал:

– Вот и все. Полгода у вас не будет болеть голова.

– А потом?

Он оставил мой вопрос без ответа. Я поблагодарил его за чудесное исцеление, и мы расстались. Он отправился в один конец поезда, я – в другой.

Открыв двери купе, я увидел человека средних лет с интеллигентной внешностью. Интеллигенты обладают особенностью двух видов: одни располагают к общению (при их виде так и хочется сказать им *servus*), другие же, напротив, кажутся настолько высокомерными и замкнутыми, что пропадает всякое желание с ними разговаривать. Этот не подходил ни под один из этих видов.

Я уселся напротив моего нового соседа, и мы обменялись испытывающими, но доброжелательными взглядами. На меня вдруг нашел приступ вдохновения, и я неожиданно сказал:

– Только что меня удивительным образом излечили от головной боли. Полгода у меня не будет болеть голова.

– Как же это? – с интересом спросил мой новый собеседник.

– Очень просто, он подержал свою руку над моей головой, и боль мгновенно улетучилась.

– Ерунда, – самоуверенно заключил он, – это от самовнушения.

– Но я совсем не ожидал такого исцеления.

– Это не важно, – авторитетно заявил тот, – достаточно и того, что вы допустили только одну мысль, что он может вас излечить. Дальше все произошло благодаря самовнушению.

– И вы не можете допустить, что он обладает каким-то неизвестным нам биополем, способным действовать на наш организм?

– Это исключено. Наука отрицает наличие каких-либо биополей. Это все предрассудки, бабушкины сказки, обще бытующие заблуждения, которые используют в своих целях шарлатаны и бродячие целители.

– Однако есть еще в природе много необъяснимых явлений, к разгадке которых наука подбирается ощупью, и многое угадывается интуитивно.

– Чуть собачья, наука не должна занимать промежуточное звено между фактом и домыслом. Она должна строить свои выводы на научно проверенных фактах. Представьте только на миг, что было бы, если бы мы, ученые, строили бы какую-нибудь научную систему на домыслах. В один прекрасный день она бы рухнула и погребла бы нас со всеми нашими трудами. Нет, милый батенька, мы не можем допускать домыслы.

– Но так можно закрыть глаза повязкой неверия и не видеть в упор самых явных явлений и истин, которые природа преподносит нам как загадочные аномалии, и все потому, что наш разум не в силах их постичь, победить свою инерцию мышления.

– Я по профессии врач, – представился мой собеседник, – работаю в научно-исследовательском институте медицинской географии. И я вдоволь насмотрелся на своих пациентов, которые в свое время обращались к шарлатанам и целителям-чудотворцам и запустили свои болезни. Мне надоело выслушивать бредни молодых людей, защищающих оккультные нелепости, профессиональных фокусников с их эстрадными номерами, которые преподносятся людям в качестве доказательств существования «сверхъестественных сил». Эти всякого рода мистические учения расцвели, как сорняки, усеяли сознание людей, как грибы-поганки.

Врач достал из портфеля кипу газетных вырезок.

– Вот посмотрите сами, – он разложил передо мной на столике вырезки из газет, – сколько энергии затрачивается на подобные бредни, уму непостижимо. Достижения науки сопровождаются созданием лженаучных мифов, вроде посещения земли инопланетянами или прилетов летающих тарелок. Нет. Нужно вести решительную борьбу со всякого рода мифами, будь то общение с духами или сказки о потустороннем мире, способствовать тому, чтобы люди отворачивались от дутых чудес и обретали подлинно научный взгляд на мир, – такова цель, стоящая перед нами, учеными.

Я слушал учёного и думал, что он говорит вполне убедительно, но что-то в его речи всё же вызывало во мне сомнение.

В общем, вы жаждете экзотики и чудес, либо вы на стороне научного знания, – закончил своё критическое выступление врач-учёный.

Я пожал плечами, не зная, что ему ответить.

– Вот-вот! – воскликнул он, – стоит только в себе посеять сомнение, и вы – пропащий человек. Вера обладает огромной силой убеждения, это как воображение, вы только на минуту допускаете возможность какого-либо чуда, и в то же самое мгновение то, что вы считаете невозможным, начинает происходить на ваших глазах. Вы уже не в силах защитить своё восприятие от этого влияния. Но это не значит, что всё, что вы видите и слышите, и даже чувствуете, – в реальности, наяву, оно происходит в вашем расстроенном воображении. И чем больше вы хотите в него верить, тем правдоподобнее вам будет казаться видение. Это и есть первый шаг к помешательству. Стены раздвигаются, и вы видите такие чудеса. Я сам попадал в подобные ситуации, когда ездил по деревням с лекциями о вреде самолечения. Вы не представляете, какие ведьмы и колдуны живут в нашей глубинке. Но я – материалист, и не верю в эту чертовщину, и главная наша цель – это забота о душевном спокойствии людей.

Врач ещё долго и убедительно говорил, стараясь вытащить меня из мутного омута суеверий, чудовищных измышлений и мистицизма. Поезд подходил к станции, где попутчик должен был выходить. Он поспешно собрал вещи и протянул мне руку на прощание.

– Я вижу, вы интеллигентный человек, и надеюсь, что наш разговор рассеял некоторые сомнения относительно чудес в нашем простом, как выеденное Колумбово яйцо, мире. Смотрите на все вещи проще, и никогда не теряйте связи с материей. Мне приходилось встречаться с умными людьми, которые сходили с ума от устремлений своего взора в запредельные миры. Я бы очень не хотел, чтобы вас постигла подобная участь.

Учёный врач вышел на перрон и приветливо помахал мне рукой. Я вежливо поклонился.

В эту минуту мне очень захотелось встретиться с тем загадочным субъектом, с которым я познакомился в ресторане. Впрочем, я даже не знал его имени. Меня охватило страстное желание поговорить с ним ещё один раз. Беседа с учёным врачом только распалила мой интерес к оккультным сферам знания, а его предостережения показались мне по-детски наивными. Я не причислял себя ни к разряду легковых, ни к разряду фанатиков. Моим критерием познания являлась объективность, с которой я соприкасался посредством своих, допускаю, несовершенных ощущений при помощи органов чувств и, надеюсь, совершенного разума, склонного к аналитическому мышлению.

И тут же мне в голову пришла мысль, что таинственный незнакомец мог сойти на последней станции, и я поспешно отправился через все вагоны в конец поезда на его поиски. Чем ближе я приближался к последнему вагону, тем сильнее у меня колотилось сердце. Когда я достиг последнего вагона, то заметил в другом конце прохода у окна знакомую фигуру окулиста. Он стоял ко мне спиной, и мне показалось, возможно, от оптического преломления света, проникающего из окон, от его фигуры исходило странное лучезарное сияние. Я приблизился к нему, и сияние исчезло. Он повернулся и заглянул своим небесным взглядом прямо в мою душу.

– Я уже собирался покинуть поезд, но почувствовал, что вы желаете со мной встретиться, и задержался.

– Благодарю вас, – ответил я, не совсем поверив в искренность его слов. – я действительно хотел с вами увидеться.

– И вас привели ко мне сомнения?

– Совершенно верно, – подтвердил я, переходя в наступление, – То, что вы говорили в прошлый раз, как-то не очень увязывается с логикой.

– Милый мой! – воскликнул незнакомец. – Весь процесс жизни основан на постоянном нарушении жизнью ваших логических аксиом. Иногда действительности даже трудно пробить брешь в ваших за герметизированных сферах понятий, сотканных из ложных категорий. Для

вашей логики понятий тождественно только то, чему тождественны ваши понятия. А ваши понятия и ваша интеллектуальная логика вращаются в пределах низменной ограниченности, тождественной вашим убеждениям и разделенной с реальностью. Вы же удивляетесь, когда видите в кунсткамере Петра Великого двуглавого теленка, но даже мысленно не можете допустить существования быка с человеческой головой.

– Но возможно ли такое в действительности?

– Разумеется, что вы этого не допускаете, потому что, по-вашему, происходит якобы смещение понятий. А все непонятное и необъяснимое вызывает у вас страх. Вероятно, вы не верите и в существование черта.

– Естественно, я отношу это понятие к нулевому несуществующему классу.

– Допустим, что вы правы, но разве можете вы проиграть все вероятные варианты аппликаций природы и постичь все ее возможности вашим слабым интеллектом? Я очень просто могу вам доказать, что ваш интеллект несоизмерим с непрерывной текучестью бытия и не способен к адекватному постижению тех непрерывных изменений, которые протекают в природе. Все ваши понятия фиксированы и прерывны. Единственным способом привести их в соответствие с жизнью является произвольное предположение остановок в самой жизни, что, в свою очередь, подобно смерти. Этими остановками вы и сообразовываете ваши понятия с действительностью. Поймать вашим интеллектом действительность так же трудно, как пытаться вычерпать воду сетью, как бы ни были мелки ее петли. Разве понятия могут дать вам познание? Основное назначение вашего сознания состоит в различении и разделении, однако в разделении вы теряете способность вступления в связь с действительностью. Вы как бы поверхностно соприкасаетесь с ней. Постигать; жизнь посредством понятий – значит остановить ее движение, отсечь содержание от формы, снять с живого движения ретроспективный снимок. В этом и заключается вся несостоятельность интеллектуального сознания, построенного на понятиях.

– Но что вы можете предложить взамен интеллекта? Интуицию? Это уже не ново. Впрочем, это не ваши мысли, все, что вы сказали, я давно читал в трудах Джеймса.

– Неважно, но именно они вызвали у вас сомнения в свое время.

– Да. Но я их отмел, как и несостоятельное учение Бергсона. Вся эта логомахия, маскируемая бутафорским призраком интуиции, вызывающая к алогизму, имеет одну цель – очернить человеческий интеллект, доказать его бесполезность. А это единственное оружие, данное человеку природой, которое он может использовать даже в борьбе со стихией.

– Так же, как и для самоуничтожения, – с сарказмом заметил незнакомец.

– Во всяком случае, в интеллекте я вижу единственного гида, способного вести нас к постижению реальности, – парировал я.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся мой собеседник. – Удивляюсь вашей наивности. Если даже вы усеее всю внешнюю поверхность кажущегося вам реальным мира понятиями, созданными вашими теоретическими познаниями, то и тогда, как бы ни была огромна эта поверхность по своему протяжению в пространстве и Времени, вы не проникнете в глубину этого мира ни на один сантиметр. Для этого вам необходима совсем другая система координат, совсем иное вхождение в область, скрытую от ваших чувств.

– Область четвертого измерения? – воскликнул я.

– Может быть. В вашей же системке вы отделены от природы, закупорены от мира в своей герметической сфере, потому что вы не в состоянии постичь простых законов. Вы никогда не будете иметь связей ни с прошлым, ни с будущим, ни с вечностью. Вы обречены жить в этой оболочке, прорвав которую, вы рискуете погибнуть. Ваша жизнь похожа на мертвое яйцо, из которого никогда не вылупится птенец. Вы не верите ни в бога, ни в черта. Возможно, даже понятие «совесть» относится к вашему нулевому классу.

– Но, позвольте, – запротестовал я, – совесть всегда живет в человеке, она руководит его поступками.

– Но совесть бестелесна, невидима, а, следовательно, несуществующая, – возразил он мне и злорадно заметил: – а может быть, в вашем понимании, стоит относить ее к запредельному четвертому измерению?

От огорчения я закусил губу, потому что не находил веских аргументов, чтобы сломить его нахальное наступление. Но вдруг он изменил тон и уже приветливее сказал:

– Я вижу, что вас ничем не переубедишь. На прощание я вам покажу чудо. Но боюсь, что и оно вас ничему не научит.

Я недоверчиво заглянул в его глаза. Он предложил мне выйти в тамбур. Сквозь стеклянную дверь были видны убегающие вдаль рельсы. В голове мелькнула мысль: «Уж не собирается ли он выбросить меня из вагона и этим покончить со всеми нашими спорами?» Незнакомец посмотрел на меня и улыбнулся, как будто прочитал мои мысли.

– Способны ли вы поверить, что я, не прикасаясь к вам, подниму вас над полом?

– Магнитом?

– Это уже мое дело.

– Нет. В это я поверить не могу, – решительно заявил я, – существуют физические законы.

Незнакомец отошел от меня, насколько позволяла теснота тамбура, и попросил расслабиться. Я резко опустил плечи вниз, расслабляя мышцы рук, переступил с ноги на ногу и в это самое мгновение почувствовал, что мое тело начинает терять вес. Тяжесть покидала мои члены, я ощутил состояние невесомости. Не знаю, что чувствует в таком состоянии космонавт, но я ощущал, что вся моя полнота, мое содержание выливается из меня, оставляя мне одну форму – мою пустую оболочку. Сердце бешено стучало, отдаваясь в висках. Я был настолько взволнован новизной моего состояния, что не сразу заметил, как мои ноги оторвались от пола, и я повис в воздухе, сохраняя при этом полную ясность мышления и восприятия. Я поднялся над полом всего не более, чем на метр, повинувшись какой-то невидимой силе, но этого хватило, чтобы ощутить всю невероятность происходящего явления.

Я возбужденно воскликнул:

– Так это вы меня чем-то поднимаете в воздух?

– Разумеется, – спокойно ответил он, – не ветер же вас держит в пустоте.

Я пошевелил ногами, под ними зияла пустота, мое тело ни на что не опиралось. Как утопающий хватается за соломинку, я ухватился за последний аргумент:

– Но у вас-то есть точка опоры. Вы стоите на полу, а значит, и поднимаете меня каким-то образом.

Незнакомец засмеялся и ответил:

– Это не имеет никакого значения. Я тоже могу подняться в пустоту.

И к моему большому удивлению он так же, как и я, повис в воздухе рядом со мной. Картина выглядела потрясающей. Если бы кто-нибудь в эту минуту вошел в тамбур, то принял бы нас за повешенных. В мчавшемся на восток поезде никто из пассажиров не подозревал, что в тамбуре последнего вагона, зависнув в воздухе, подобно шмелям, разговаривают два незнакомых друг другу человека.

– Но как вам удалось достичь такого мастерства? – воскликнул я, приходя немного в себя.

– Простая тренировка, такая же, как при умении ходить, – ответил он. – Как видите, нет никакого мошенничества.

Я ощупал свое тело, даже ущипнул себя за локоть и почувствовал боль. Нет, это не сон. Меня цепко в своем плену держала явь, перевернувшая мое сознание, поставившая с ног на голову все мои представления о законах физики. «Если люди способны держаться в воздухе без всякой опоры, освободившись от земного тяготения, то, что говорить об остальном? Можно смело верить в любые чудеса», – подумал я.

– Вам не надоела такая поза? – шутливо осведомился незнакомец.

– Несколько непривычно, – признался я и попросил опустить меня.

то же мгновение тело стало наполняться тяжестью до естественного состояния, и я плавно опустился на пол тамбура.

– Что скажете? – весело спросил незнакомец.

Я пожал плечами. Что я мог сказать? Незнакомец вдруг погрузился и вздохнул.

– Но даже после таких доказательств вы не поверите в чудеса. Ваши глаза закрыты от априорных истин, и виной всему является ваша мнимая ученость. Вы жили жизнью книжного червя, шагая все это время по ложному пути. Если бы вы хоть раз в жизни обратили внимание, как высыхает земля после дождя, как растет трава из-под тающего снега, раскрывается бутон цветка утром... Вы тратите время на прочтение толстых фолиантов, иссушая мозг, но у вас не хватает терпения, чтобы наблюдать жизнь, видеть то, о чем вы создаете иллюзорное представление, выживая лоскутные обрывки знаний из книжной рутины. Вам отпущен короткий отрезок бытия, а вы попусту тратите время на всякие глупости, которые не приносят радости. Учитесь жить. И тогда вы сможете не только поднять себя в воздух, но и унести в Неизведанные Дали Небесного Океана. И запомните, что вы не самое разумное существо природы.

Незнакомец умолк. Я уже не возражал. Он посмотрел на меня долгим испытующим взглядом и сказал:

– Мне пора. Я должен сойти с поезда.

– Но как? – удивился я. – Вы же не будете прыгать на ходу?

– Вот видите, вы только что видели чудо и уже забыли, что я способен творить чудеса. Я выйду через эту дверь, – и он показал на стеклянную дверь, из-под которой убегало вдаль железнодорожное полотно.

Я не возражал, парализованный навалившимся на меня оцепенением. Незнакомец открыл дверь, и в тамбур ворвалась струя свежего ветра.

– Прощайте, – произнес он.

– Мы с вами больше никогда не увидимся?

– Как знать, может, и встретимся на суде совести.

Смысла последних слов я не понял, но уточнить уже ничего не смог. Он шагнул в пустоту. Я в ужасе подскочил к двери, ожидая увидеть на рельсах распластавшееся тело, но вместо этого увидел то, что выходило за рамки моего понимания: незнакомец повис в какой-то неподвижной точке над землей, которая быстро удалялась по убегающим вдаль рельсам. Он повернулся на этом пятачке пустоты, приветливо помахал мне, опустил руки и вдруг стремительно стал подниматься ввысь. Подобно птице со сложенными крыльями, он вскоре исчез в синеве бездонного неба. Вот и все чудеса. Мурашки пробежали у меня по спине. Я обалдело захлопнул дверь и только в эту минуту подумал, что, возможно, нахожусь под гипнозом. Я обшарил углы тамбура – тщетное и глупое занятие. За несколько последних минут я изрядно поглупел. Одураченный, я еще раз посмотрел на убегающие вдаль рельсы, на синее с редкими облачками небо, на сияющее по-осеннему солнце и отправился в свое купе.

Так, в этом поезде я познакомился с человеком, который верил в чудеса, человеком, который не верил в чудеса, и человеком, который творил чудеса.

Глава II

С самого начала путешествия, как только мой поезд тронулся с Ярославского вокзала, у меня возникло ощущение причастности к Великому Странствию в Неодолимом Движении. Уже позднее, делая записи в дневнике и анализируя пометки моих внезапно пришедших в голову мыслей, я подсознательно понял, что навсегда порываю с прошлым, с годами неудач и разочарований, и вступаю в новую эпоху жизни – время переосмысления ценностей.

Чем дальше я отдалялся от прежней жизни, тем все более спокойным и просветленным становилось течение моих мыслей. Оно походило на поток родниковой воды, который становится тем чище, чем выше поднимаешься в гору. И я предчувствовал, что там, в вышине, в конечном Абсолюте восхождения, где должно закончиться мое Великое Странствие в Неодолимом Движении, меня ждали пики ледниковых вершин, ослепительное сияние снега и солнца, чистый горный воздух и несравнимая ни с чем радость любования миром. Я уже заранее предвосхищал этот миг радости и неземного счастья, когда смогу взглянуть на мир, распростертый у моих ног, с пика вечного Абсолюта моего восхождения. И от этого моя душа пьянела. Мне казалось, что с той точки я не только увижу весь мир как на ладони, но и все мирские заботы покажутся мне столь ничтожными, а путь восхождения в бесконечность столь желанным, что я хоть сейчас готов был отринуть от себя земную оболочку и вознестись в сияющие сферы мироздания, подобно птице-духу, как это со мной уже случалось во сне.

Встреча с моим таинственным незнакомцем казалась мне уже не такой невероятной. «Возможно, человек способен возноситься в небесные чертоги, – подумал я. – Встречусь ли я с ним?» Я даже не мог предположить, как скоро станет возможной такая встреча.

Первые дни пребывания в городе, месте моего нового назначения, прошли в беготне и суете. Трудно фиксировать события в определенной системности, когда их ход выбивается из рамок спокойного осмысления. Университет, поиски квартиры, знакомство с преподавателями и городом полностью заполнили мое время. В этом городе я остро ощутил запах старины. Думаю, что не только будущее, но и прошедшее содержит в себе неизведанные пласты таинственности. Порой бывает так, что происшедшее оказывается намного красочней и богаче любой выдумки. Здесь каждое дерево, каждая доска забора, резные украшения на ставнях свидетельствовали о великих событиях и драматических сценах прошлого, глазницы окон хранили память о минувшем.

Я бродил по тихим и неприметным улочкам города, пытаюсь среди естественных декораций воссоздать картины, канувшие в Лету. Порой мне чудилось, что я вижу тени тех легендарных героев, джентльменов удачи, той вольницы, которая наводняла город и влекла из всех уголков России сильных духом, отправляющихся на поиски счастья в неведомые края. Мое воображение целиком уносило меня в эту эпоху, разрушая границы временно-пространственных измерений, и я ощущал запах той атмосферы, погружаясь в поток пережитых фантазий, открывая образы, возникающие из глубин времени.

Из мира грез и фантазий к реальности меня возвращали только занятия в университете.

Когда я переступил порог аудитории и увидел десятки пар глаз, устремленных на меня, я смутился. Мне всегда было приятно находиться в кругу молодежи. Юные глаза, проникающие в душу, не только радовали меня, но и вызвали чувство причастности к людям, которым предстоит переустроить весь мир, обновить его и сделать лучше и красивее.

С ними я дышал свободнее и казался сам себе моложе и добрее. Я как бы вспоминал свои студенческие годы и несбывшиеся надежды, свою повышенную восприимчивость и жадность, с которой я впитывал в себя все, что попадало в поле моего зрения.

Мне нравилось общение со студентами, но мой скверный характер всегда ставил мне подножку. Я не мог полностью разрушить встающий между нами барьер из-за своего сознания,

что я – преподаватель, а они – студенты. Поэтому отношения у меня с ними всегда получались сухими и официальными.

К тому же в некоторых своих высказываниях я допускал резкость и все, что думал, то и говорил. Так было не всегда. Когда-то я думал одно, а говорил другое. Эта линейная прямота в моем характере появилась совсем недавно, когда меня озарило Великое Сомнение. Именно тогда я сделался неуживчивым, потерял всякую гибкость в общении, стал нелюдимым. Меня раздражала в людях манера говорить одно, а думать и поступать по-другому. Когда-то я уживался с этим, находясь в согласии и мире со всеми, но как только я восстал, все ополчилось на меня. Я никогда не раздражался, а говорил лишь то, что думал, но это раздражало других. Тогда я научился смягчать свои слова иронией, но это привело к тому, что меня стали ненавидеть и бояться. В молодежи я видел ту отправную точку, с которой нужно было начинать ломку порочно сложившейся структуры нашего морального состояния.

Но я, кажется, очень затянул с паузой. Одна девушка, симпатичная студентка с последнего ряда, вернула меня к действительности.

– Скажите, пожалуйста, у нас будет сегодня лекция? – спросила она.

Вот за эту прямоту и непосредственность я и любил молодое поколение. Все студенты засмеялись. Угораздило же меня задуматься! Я извинился и начал читать лекцию.

Во время чтения лекции я уже приучил себя думать в двух уровнях. Думая о чем-либо своем, я прекрасно слышал то, что говорил. Эти два уровня мысли шли параллельно и независимо друг от друга. Они почти не мешали друг другу. Я употребил слово «почти», потому что иногда они все же друг на друга влияли, как бы переплетаясь. Впрочем, реакция аудитории всегда возвращала меня к действительности. Одного странного взгляда кого-либо из аудитории, обращенного ко мне, было достаточно, чтобы почувствовать, что я увлекся. Но такое случалось крайне редко. Обычно мое подсознание довольно хорошо контролировало мой выходной уровень, то есть то, что я произносил вслух. А ошибки случались лишь тогда, когда на втором уровне я делал какое-либо открытие или меня осеняла необыкновенная идея, захватывающая настолько, что я терял нить своего изложения.

У меня была манера, от которой я никак не мог отучиться, ходить во время лекций. Я делал это так же бессознательно, как и мыслил во втором уровне. Когда я дошел до последнего ряда, то невольно обратил внимание на симпатичную студентку, которая в начале лекции вывела меня из задумчивости. Она покраснела. Наши взгляды столкнулись каким-то необыкновенным образом. Я физически почувствовал на себе ее действие, как будто лазерный луч сверкнул в воздухе и скрестился с моим взглядом. Это длилось лишь одно мгновение. Я увидел белизну ее белков и черноту зрачков – неразгаданную тайну отражения души человека, секрет вечной контрастности. Это походило на давление какой-то нематериальной силы. Мне показалось, что если я не сделаю шаг назад, то потеряю равновесие.

Мне уже приходилось проверять на себе взгляд гипнотизера, но тот взгляд я не ощущал так чувствительно. В этот момент у меня возникло предчувствие, что что-то должно произойти в будущем между мной и этой девушкой. Предчувствие нехорошее, быть может, ожидание беды. Я поспешил вернуться к кафедре и уже не доходил до этого прохода, избегал встречи с ее взглядом. Во время лекции меня не покидало чувство, что я, как триединое начало, владею не только вниманием студентов, а через него и их сознанием, но и держу в своих руках их судьбу, а может быть, и жизнь. Все они, затаив дыхание, внимательно слушали мои объяснения, а я, подобно трем древнегреческим богиням судьбы, расплетал целый канат нитей, тянущихся к ним. Одна часть моего сознания, подобно мойре Клото, вила этот канат, переливая в их головы интерес и жажду познания, другая, мойра Лахосис, проводила их через дебри науки, а третья, богиня Антропос, притаилась в ожидании, чтобы в какой-то момент перерезать нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.